Н. В. Трофимова

ОБ ОДНОМ ОБЩЕМ ФРАГМЕНТЕ КИЕВО-ПЕЧЕРСКОГО ПАТЕРИКА И ТВЕРСКОГО СБОРНИКА

В процессе работы над движением текстов воинской тематики в летописях XIV–XVI вв. мною был обнаружен фрагмент Тверского сборника, совпадающий с отрывком из Киево-Печерского патерика:

Киево-Печерский патерик	*Тверской сборник, 1149 г.*
Егда бо приидохом на Изяслава Мстилавича с половци, и видѣхом град высок издалеча, и идохом на нь, и ни ктоже не знаше, кый сей град. Половьци же бишася, язвени быша у него мнози; и бѣжахом от града того. Послѣди же увѣдахом, яко село есть святыа Богородици, града же николи же бывало, ни тии сами сущий в селѣ разумѣша бывшаго, но, шедше, видѣша крови пролитие и почюдиша ся бывшему (11)[1].	Идущимъ же имъ къ Киеву, увидѣша с градъ высокъ издалеча, и никто же знааше кий сей градъ, и поидоша на нь; половци же бышася у него и мнози язвени быша, и бѣжаша отъ града того. Бѣ же то не градъ, но село святыа Богородица Печерскаа, а града николи же бывало; ни тии сами, сущий въ селѣ томъ, разумѣша бывшаго, но изшедше видѣша кровипролитие, и почюдишася бывшему (214).

Приведенный фрагмент в патерике представляет собой элемент «грамоты» ростовского тысяцкого Георгия Симоновича, сына Шимона-Симона, который рассказывал своим потомкам о покровительстве ему Феодосия Печерского, распространяющемся на весь его род. Чудо изгнания половцев от села святой

Богородицы Печерской поставлено в ряд других чудес, связанных с Феодосием.

В Тверской летописи этот отрывок включен в воинскую повесть, сохранившуюся в большинстве сводов XIV–XVI вв. под 1149 г., рассказывающую о походе Юрия Долгорукого с союзниками и половцами против киевского князя Изяслава Мстиславича, сначала принявшего, а затем по навету бояр изгнавшего сына Юрия Ростислава и отнявшего у него Переяславль. Две древнейшие версии повести об этих событиях сохранились в Ипатьевской и Лаврентьевской летописях. Они различаются подробностью повествования, количеством и функциями переданных речей персонажей[2], системой мотивировки событий. Редакция Ипатьевской летописи детально рассмотрена в числе других текстов, повествующих о деятельности Юрия Долгорукого на юге Руси, Ю. А. Лимоновым Исследователь обнаружил в ней следы летописного свода Юрия Долгорукого ростово-суздальского происхождения, перемежающиеся записями киевского летописца и отдельными элементами летописи Переяславля Русского.

Последующие своды отразили, в более или менее переработанном виде, краткий вариант Лаврентьевской летописи, который по содержанию повторяет аналогичную повесть Киевского свода, но по литературным особенностям резко отличается от нее. В нем отсутствуют детальное описание хода событий, значительное количество диалогов и реплик, мотивирующих происходящее. Начало распре, согласно версии владимирского летописца, положили козни дьявола, который заставил бояр Изяслава клеветать на Ростислава. Рассказ о событиях, приведенный в Ипатьевской летописи, заменен краткими сообщениями, главные герои лишаются многих важных черт, облик их маловыразителен, изображение битвы дано в сочетании воинских формул и отдельных конкретных деталей. Благодаря религиозно-символическим мотивировкам событий особенно ясно выступает дидактический замысел летописца.

Редактор варианта, вошедшего в Тверскую летопись, внес существенные изменения. Он дал повести название: «О брани Юриевѣ съ Изяславомъ». Начинается она вступлением – рассуждением о вмешательстве дьявола в людские дела, заставляющем

злых людей подстрекать князей к междоусобным битвам: «Въ то же время Юрий прииде обычаемъ таковымъ: злыи человѣци, диаволомь подгнѣщаеми, яко огнь сѣно зжагаютъ, тако и сии, въздвигнувши вражду въ государехъ ихъ, въ грѣхъ и срамъ въводять, а сами погыбають злѣ, якоже речено в писаниихь: злии злѣ погыбоша» (213) (ср. в Лаврентьевской летописи: «Приде Изяславъ Кыеву и ради быша людье, токмо дьяволъ сѣтоваше, вложи бо нѣкоторымъ мужем его в сердце и начаша глаголати ему рекуще...» (320)). Редактор более позднего свода, варьируя многократно встречавшееся в разных летописных текстах объяснение междоусобных войн дьявольскими кознями, дает резкую оценку результатам наветов с помощью повторяющегося эпитета «злой», сравнения и библейской цитаты. Констатация факта, данная в Лаврентьевском своде, заменена назидательным авторским рассуждением. Поскольку в других сводах в рассматриваемой повести этот фрагмент не встречается, можно считать, что он введен автором именно данной редакции.

Завязка действия наветы бояр и изгнание Изяславом Ростислава — переданы более кратко, чем в Лаврентьевской летописи. Сокращение достигается отсечением части прямой речи, в которой сохранено только главное обвинение, выдвинутое против Ростислава: «хотѣлъ сѣсти вь Киевѣ» (213); более кратким определением действий Изяслава, наделенным в то же время отсутствующей в раннем тексте отрицательной оценкой: «ограби Ростислава» (213) (в Лаврентьевской летописи — «отима у него имѣнье и оружье и конѣ и дружину его исковавъ расточи» — 320).

Речь Юрия по приезде сына к нему с жалобой на Изяслава и просьбой о заступничестве расширена дополнительной репликой: горестно вопрошая, ужели ему и его детям нет части в Русской земле, он добавляет: «или не отецъ мнѣ былъ князь великий Владимир Манамахъ?» (213). Дальше летописец последовательно сократил повествовательные элементы, снял переговоры Изяслава с киевлянами, говоря об их нежелании помогать князю. Сокращена речь епископа Евфимия, уговаривавшего Изяслава примириться с Юрием. Сохранена в полном объеме только речь Изяслава о его обиде на Юрия за то, что тот привел Ольговичей и половцев, и несколько распространяется

его реплика в ответ на слова Евфимия: «добыли семи своимь потомь Киева и Переяславля, а нынѣ ли ми ся отступити?» (214). В таком виде эта реплика более определенно выражает мысли героя и обосновывает его намерение биться с Юрием.

Описание битвы сокращено даже по сравнению с вариантом Лаврентьевской летописи и сведено к двум формулам: начала боя, вариант которой был и в древней редакции, и введенной в рассматриваемой редакции формуле Божьей помощи. В последней части все сообщения тоже сокращены, но появляется новый элемент: приведенный выше фрагмент, совпадающий с текстом патерика и рассказывающий о чуде у некоего «града высока», у которого были побиты половцы, шедшие с Юрием. Можно предполагать, что этот эпизод помогает летописцу, в целом сочувствующему Юрию, выразить свое несогласие с приглашением половцев против русского же князя, последовательно провести намеченную во вступлении дидактическую линию осуждения княжеских усобиц, подстрекаемых дьяволом. Не случайно, в отличие от патерика, в летописи подчеркнуто, что бежали в битве половцы, многие из которых были ранены, а не все войско.

Для того чтобы выяснить источник этого фрагмента в тексте Тверского сборника, нужно обратиться к тем взглядам, которые высказывали исследователи относительно состава текстов патерика и летописи. Я. С. Лурье утверждал, что часть летописи до 1285 г. «представляет собой ростовский летописный свод, близкий к летописям Ермолинской и Львовской»[4]. Но ни в Ермолинской, ни в Львовской летописи интересующий нас фрагмент не помещен.

А. Г. Кузьмин, исследуя состав посланий Симона и Поликарпа, явившихся основой Киево-Печерского патерика, утверждал, что летописным источником Симона был Ростовский свод, с которым он, возможно, познакомился еще на юге, в Печерском монастыре[5]. Н. Н. Ворониным указано, что имя Георгия Шимоновича как воеводы встречается в Тверском сборнике в рассказе о походе Юрия на болгар в 1120 г., но в патерике этот сюжет отсутствует, а в летописи больше не упоминается Георгий[6], в связи с чем исследователь предполагал, что сведения о воеводстве Георгия принадлежали не книжни-

ку XVI в., которого не интересовало это историческое лицо, а автору начального суздальского свода, к составлению которого «имел отношение фактический хозяин Ростовской земли во время юности князя Юрия – Георгий Шимонович», возможно, бывший «одним из информаторов суздальского летописца». Вслед за Н. Н. Ворониным А. Г. Кузьмин пришел к выводу о том, что «это имя содержал... оригинальный северо-восточный источник проростовских сводов»[8].

В соответствии с этими представлениями, интересующий нас фрагмент должен был бы рассматриваться как пришедший в патерик и Тверскую летопись из одного источника – ростово-суздальского свода, берущего свое начало в летописце Юрия Долгорукого. Однако ряд соображений мешает безоговорочно принять такое решение. Прежде всего, Ю. А. Лимонов пришел к выводу, что автором летописца Юрия, отразившегося в Ипатьевском своде, был светский человек из военно-дружинной среды, близкий к окружению князя: «На это указывают почти полное отсутствие религиозных отступлений в тексте летописца, передача фактов и событий, которые могли быть известны лишь приближенным Юрия, особенно четкое и полное описание битв, походов...»[9] Таким автором мог быть и сам Георгий Симонович, но тогда непонятно, почему рассматриваемый фрагмент не был введен в киевское летописание: ведь он представлял собой свидетельство очевидца и был одним из конкретных элементов описания хода событий, вполне укладывавшимся в систему повествования Ипатьевского свода. Помешать включить его в южную летопись, если бы он был в ростовском источнике, не могли и идейные соображения, вызванные несогласием летописца с приглашением Юрием половцев против русских князей, поскольку в Киевской редакции оценки князей неодноплановы, и вполне уместной была критика и в адрес победителя. Сомнения о происхождении сюжета из ростовского летописца подкрепляются и еще одним соображением. Думается, что приближенный Юрия – ростовец или суздалец вряд ли включил бы в рассказ о победоносном походе сообщение о бегстве союзных половцев.

Кроме того, во всем тексте повести проявляется религиозно-дидактическая тенденция, совершенно не характерная, по

наблюдениям Ю. А. Лимонова, для раннего ростовского летописания: «стиль фрагментов летописца князя Юрия лаконичен и точен, для него характерно четкое и ясное описание основных деталей событий. Повествование отрывков почти лишено эффективных художественных приемов, риторики и провиденционализма»[10] Между тем исследуемый фрагмент говорит о строго выдержанной дидактической и провиденциалистской позиции редактора, а характер использования в нем художественных средств отличен от стиля ростовского летописца.

Нужно думать поэтому, что интересующего нас фрагмента не было в ростовском летописании, а редакция повести, вошедшей в Тверской сборник, была создана в более позднее время, причем интересующий нас фрагмент был внесен из Киево-Печерского патерика, где он присутствовал изначально. Знакомство автора Тверского сборника с патериком вполне вероятно. Говоря под 1089 г. о смерти митрополита Иоанна и епископа Исайи Ростовского, он замечает: «ищи сего подлинно въ Патерицѣ Печерскомъ, идеже о священии церкви Печерскыа, тамо бо писано есть чюдеса тѣхъ святыхъ отецъ» (181), имея в виду патериковое «Сказание о святѣй трапезѣ и о освящении тоа великиа церкве Божиа матере» (17–18) Прямо к патерику отсылает и многократно упоминавшаяся историками запись под 6628 (1120) г.: «Юрий Долгорукий Володимеричь повоева болгары; а воевода у него былъ и бояринъ болшей Георгий Симоновичь, внукъ Африкановь, Варяжского князя, брата Якуну Слѣпому» (193). Все эти персонажи упомянуты в «Слове о создании церкви Печерской», открывающем текст Киево-Печерского патерика в основной редакции: «Бысть в земли Варяжьской князь Африкыан, брат Якуна Слѣпаго... И сему Африкану бяшета два сына – Фрияндъ и Шимонъ...» (7). В конце «Слова» говорится о сыне Шимона-Симона Георгии, ставшем тысяцким Юрия Долгорукого. Ни Львовская, ни Типографская[11] летописи, также содержащие дополнительные ростовские сведения, которые исследователи считают происходящими из древнейшего ростовского летописания, не приводят этих фрагментов, вошедших в Тверской свод. Вероятно, их не было в начальных ростовских сводах.

Имея в виду приведенные факты, можно предполагать хорошее знакомство автора той редакции повести, которая вошла в Тверской сборник, с текстом Киево-Печерского патерика и заимствование приведенного фрагмента из него. В таком случае, наиболее вероятны два момента, когда могла быть создана эта редакция. Первый — создание тверской переработки общерусского свода 1408 г., состоявшееся, по мнению М. Д. Приселкова, в 1413 г.[12] За несколько лет до этого, до 1406 г., в Твери при участии епископа Арсения была создана так называемая Арсеньевская редакция Киево-Печерского патерика[13] Исследователи отмечают также, что он способствовал оживлению тверского летописания[14]. Таким образом, книжник, составлявший тверской свод 1413 г., вполне мог быть знаком с патериком и заимствовать из него интересующий нас фрагмент.

С другой стороны, составитель тверского сборника в 1534 г., указывавший, что он лишь компилятор, а не самостоятельный редактор, в знаменитом обращении к читателю: «Еще же молю ваше, братие, преподобие и благородие, чтущихъ и послушающихъ книгы сиа, еже аще обрящеть кто много недостаточное, или неисполненное, да не позазрить ми: не бо бѣхъ Киянин. родомъ, ни Новаграда, ни Владимера, но отъ веси Ростовскыхъ областей, и елико обретохъ, толико люботрудне написахъ; а елика силѣ моей невозможно, то како могу наполнити, его же не видевъ предъ собою лежащего? не имамъ бо многыа памяти, ни научихся дохторскому наказанию, еже сьчиняти повѣсти и украшати премудрыми словесы, якоже обычай имутъ ритори; а яже Богъ поручить въ руцѣ мои, то прьвыхъ лѣть напоследокъ вьпишемъ» (142), также мог воспользоваться текстом патерика, списки Арсеньевской и Кассиановской редакций которого были широко распространены в XV – первой половине XVI в.

Вообще мы вправе не вполне доверять словам редактора о его литературной неумелости и несамостоятельности по ряду причин. Во-первых, авторское самоуничижение было «общим местом» древнерусских текстов. Во-вторых, само приведенное обращение говорит о литературной образованности летописца, тем более что Ростов издавна был центром книгописания (достаточно вспомнить, что Епифаний Премудрый и

Стефан Пермский учились в Ростовском монастыре Григория Богослова, славившегося своей библиотекой[16]) и ростовское происхождение скорее могло говорить о хорошей литературной школе, нежели о необразованности. В-третьих, наблюдения над воинскими текстами в Тверском сборнике приводят к выводу о самостоятельности суждений летописца и смелом вмешательстве его в произведения предшественников, в том числе самые древние. Характер этого вмешательства, связанного с изменением и состава и стилистики текстов, определялся выражением позиции редактора, чем объясняется вставка рассматриваемого фрагмента, или местными тенденциями в его труде[17] Все это вместе взятое заставляет склоняться к мысли о том, что «чудо у града высока», как и все сведения о Георгии Симоновиче, были введены в Тверскую летопись ее редактором XVI в., хорошо знавшим текст Киево-Печерского патерика.

ПРИМЕЧАНИЯ

Тексты цит.: Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. 1. М., 1997; Тверской сборник // ПСРЛ. Т. 15. М., 2000; Киево-Печерский патерик // Древнерусские патерики. М., 1999.

[2] См.: *Трофимова Н. В.* Речь персонажей в летописных воинских повестях // Русская речь 2001. № 2 С. 65–68.

[3] *Лимонов Ю. А.* Ростово-Суздальское летописание середины XII в. (Летописец Юрия Долгорукого) // Исторические записки М., 1962. Т. 72. С. 184–216.

[4] *Лурье Я. С.* Летопись Тверская // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 39. С. 147.

Воронин Н. Н. К вопросу о начале ростово-суздальского летописания // Археографический ежегодник за 1964 г. М., 1965. С. 29–30.

Кузьмин А. Г. Летописные источники посланий Симона и Поликарпа (К вопросу о «Летописце старом Ростовском») // Археографический ежегодник за 1968 г. М., 1970. С. 73–92.

[7] Там же. С. 30.

[8] *Кузьмин А. Г.* Указ. соч. С. 90.

[9] *Лимонов Ю. А.* Указ соч. С. 216.

[10] *Лимонов Ю. А.* Указ. соч. С. 215.

[11] Круг общих для Тверского сборника, Типографской и Львовской летописей текстов ростовского происхождения указан Ю. А. Лимоновым: *Лимонов Ю. А.* Указ. соч. С. 186.

[12] *Приселков М. Д.* История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996. С. 170–172.

[13] См.: *Конявская Е. Л., Прохоров Г. М.* Арсений // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988. Вып. 2, ч. 1. С. 69; *Ольшевская Л. А.* Типолого-текстологический анализ списков и редакций Киево-Печерского патерика // Древнерусские патерики. М., 1999. С. 269.

[14] *Конявская Е. Л., Прохоров Г. М.* Указ. соч. С. 68; *Ольшевская Л. А.* Указ. соч. С. 269.

[15] *Ольшевская Л. А.* Указ. соч. С. 296.

Прохоров Г. М. Епифаний Премудрый // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV–XVI в. Ч. 1. Л., 1988. С. 211.

[17] См.: *Трофимова Н. В.* Отражение новых процессов в русской культуре в решениях соборов 50-х годов XVI века и основные тенденции в развитии летописного воинского повествования // Соборы русской церкви: Мат-лы IX Рос. научн. конф., посв. Памяти Святителя Макария М., 2002. С. 331–336.